

СОПРЯЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВЛАСТИ

МНОГООБРАЗИЕ ЛИКОВ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

ИГОРЬ ОКУНЕВ

МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

АРТЕМИЙ КУЧИНОВ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

В настоящей статье рассматриваются проблемы современного развития теоретико-методологической базы геополитических исследований. В то время как в представлении отечественной общественности и зачастую даже профессиональной аудитории они связываются почти исключительно с идеологическим обоснованием крайне правых политических сил, авторы дают примеры авторитетных научных школ, рассматривающих соотношение пространства и политики с различных методологических позиций. В связи с этим они обращают внимание на институционализацию геополитики как науки в 1990-х годах с учетом становления и распространения в зарубежном академическом дискурсе нового поколения теоретических концепций. В статье рассматривается предмет геополитики, который не сводится к «контролю над пространством», а различается в зависимости от исследовательской парадигмы – представлены подходы В.А. Колосова, М.П. Аминеха-Х. Хоувелинга, К.Э. Сорокина, М.В. Ильина. Рассмотрены различные современные теории, позволяющие изучать геополитическую проблематику: классическая, критическая, марксистская геополитика, геополитика, основанная на теориях действия, социологических, психологических, гендерных теориях, культурная география, мифогеография, геохронополитика, геософия, сакральная география, экзистенциальная география и геопоэтика, в каждой из которых существует своё определение понятия «геополитическое». Российская геополитическая мысль, к сожалению, недостаточно воспринимает многие зарубежные учения, а остаётся на этапе классического теоретизирования, не застрахованного от натуралистического редукционизма. Современная же геополитика применяет больше научных методов, становится более эмпирической, применяет исследовательские методики от социологических до дискурс-анализа. Рассмотрены представители академической науки России и зарубежных стран, выражающие различные парадигмы и направления геополитических исследований. В статье также оцениваются перспективы достижения продуктивного межпарадигмального синтеза.

Ключевые слова:

геополитика; геософия; геохронополитика; геопоэтика; классическая геополитика; критическая геополитика; культурная география; марксистская геополитика; мифогеография; политическая география; сакральная география; социальная география; теория действия; экзистенциальная география.

Двадцать пять лет назад российские политология и геополитика возникли в схожих условиях – полузапрещенные научные области, которые привлекали исследователей-любителей из смежных областей знания. Сегодня же эти две дисциплины разошлись – политология окрепла, создала национальную школу и профессиональное сообщество, а геополитика продолжает прозябать в качестве удела маргинальных псевдонаучных школ или все тех же одиночек-энтузиастов.

По-видимому, причина столь существенных различий в том, что российская политология начиналась с длительного этапа ученичества – с перевода статей и учебников, их изучения и обобщения – и только много позже стала продуцировать собственные идеи и парадигмы, встроенные в международное научное пространство.

В то же время в геополитических исследованиях лидерство захватили авторы совсем другого типа. Оно было присвоено политически-мотивированными публицистами (А.Г. Дугин, Л.Г. Ивашов и др.), которые использовали геополитику для обоснования крайне правой идеологии [Колосов и др. 2005: 163]. За основу были взяты, с одной стороны, труды классиков геополитики 1890-1930 годов, с другой – работы евразийской школы русской эмиграции 1920-1930 годов. И то, и другое было подвергнуто упрощению и искажению. В результате, в частности, концепция Х. Маккиндера ассоциировалась исключительно с введением понятия «хартленда», а последнее возведено в аксиому внешне-политического анализа.

Все прочие направления геополитических исследований, в первую очередь: французский поппозитивизм, американский послевоенный ревизионизм, современные критические течения – оказались за рамками многочисленных учебников и, соответственно, не вошли в оборот российской науки. Современными продолжателями основателей науки стали восприниматься такие фигуры, как З. Бжезинский и В.В. Жириновский. В итоге российская ге-

ополитика не усвоила целые пласты научного знания и оказалась невосприимчивой к начавшемуся на Западе в это же время бурному прогрессу дисциплины, связанному с появлением целой плеяды новых талантливых авторов (Дж. Эгню, П. Тейлор, Дж. О'Локлин, Дж. Тоал, Д. Ньюмен и др.). Она почти полностью проигнорировала появление критической геополитики, окончательно пересмотревшей классическую парадигму. В результате Россия оказалась вне научной дискуссии, развернувшейся в западном исследовательском сообществе о переосмыслении значения классического наследия и поиске новых подходов к пониманию роли пространства в международных отношениях.

Кроме того, у недостаточного развития геополитики были и институциональные причины. Ей занялись люди, не обладавшие специализированными знаниями в области географии, в результате, частица «гео» в названии дисциплины стала пониматься как связь с глобальными процессами [Исаев 2011: 83]. Как следствие, проблемное поле дисциплины во многом оказалось подмененным. В учебном процессе курсы по геополитике часто заполняются политической пропагандой или в лучшем случае научно-популярной выжимкой из смежных дисциплин международного профиля.

Более того, в качестве научной дисциплины, она развивалась вне интересов политологического сообщества, и главное, зарождавшихся кафедр и факультетов политологии. Сегодня параллельно с маргинальной (но при этом доминирующей) геополитикой сохраняются только отдельные академические анклавы серьезной исследовательской работы (школы В.А. Колосова, В.Л. Цымбургского, М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной и др.). Кроме того, проблематика пространственно-политического анализа зачастую попадает в предметное поле ряда вводимых отечественными специалистами новых дисциплин (например, «гуманитарной географии» Д.Н. Замятина или «зарубежного регионоведения» А.Д. Воскресенского).

1

Разговор о перспективах обновления российской геополитики следует начать с дефиниции предметного поля. В настоящее время традиционное определение геополитики как науки о контроле над пространством представляется узким и даже устаревшим ввиду того, что это отнюдь не единственный объект исследований. Более того, сегодня концептуализация предмета исследования зависит от выбранной парадигмы. Ведущий отечественный специалист В.А. Колосов, описывая его в рамках классического подхода, писал о геополитике как о «проблемной научной области, основной задачей которой выступает фиксация и прогнозирование пространственных границ силовых полей [...] преимущественно на глобальном уровне». При этом под силовым полем, прежде всего, понимается пространство, контролируемое государством [Колосов и др. 2005: 18]. Другой российский исследователь Н.С. Мироненко в рамках системного подхода расширяет понимание объекта исследования, рассматривая в качестве такового любые территориально-политические системы (ТПС) [Колосов и др. 2005: 243]. М.П. Аминех и Х. Хоувелинг с позиций акционизма считают, что геополитика изучает помимо границ и ресурсов пространственно-временное измерение деятельности [Amineh et al. 2003: 335]. К.Э. Сорокин рассматривает ее в качестве «комплексной дисциплины о современной и перспективной “многослойной” и многоуровневой глобальной политике, многомерном и многополярном мире» [Политология 2007: 23]. М.В. Ильин считает предметом дисциплины пространственные параметры политической организации, а также использование географических факторов в политике [Политология 2007: 39].

Объектом изучения остается геополитическая структура мира [Колосов и др. 2005: 18], однако в зависимости от выбора парадигмы меняется ракурс исследования: в

классической геополитике главное внимание уделяется контролю над территорией, в реализме – распределению силы, в акционизме – аспектам деятельности, в бихевиоризме – особенностям поведения, в марксизме – соотношению труда и производства. Системный подход призван изучать территориальные комплексы, а дискурсивный – коммуникативные. Предмет исследования оказывается подвижным, что характерно для многих современных социальных наук, при сохранении стержневого значения пространственного измерения политики и международных отношений.

Классическая геополитика, в русле которой продолжает развиваться почти всецело российская геополитическая мысль, оценивает мироустройство с точки зрения географического взаиморасположения государств и их границ. Ее истоки (получившие отражение в работах Ф.Ратцеля, Р.Челлена) основаны на социологических концепциях социал-дарвинизма – популярной обществоведческой теории конца XIX – начала XX веков, которая к настоящему моменту, очевидно, устарела¹. Изначальная геополитика базировалась на том убеждении, что почти целиком именно природное окружение определяет политические процессы. Подобный географический редукционизм и детерминизм прослеживается и в развитии традиционных школ геополитики (яркими представителями которых были А. Мэхэн, Х. Маккиндер, К. Хаусхофер, К. Шмитт и др.) и в русской геополитической мысли евразийцев.

В современных работах утвердилось разделение на «низкую» и «высокую» геополитику. К первой относятся обыденные геополитические представления, воспроизводящие положения классической парадигмы. Под «высокой» геополитикой понимают научное знание, формируемое в результате синтеза теоретико-методологических принципов современных социальных наук в рамках исследования пространственных аспектов политических взаимодействий.

¹ О современных социологических теориях развития см. напр. [Актуальные ... 2005; Ритцер 2002; Ядов 2009]

В результате восприятия наработок смежных дисциплин происходит обновление исследовательской оптики геополитики. Она в большей степени ориентируется на эмпирический анализ, задействует дискурсивные методы прикладной лингвистики, достижения социологии, культурологии, психологии, теории идентичности, а также постструктуралистские и постмодернистские теории для объяснения влияния пространства на политические процессы. Геополитика перестает представлять целостной школой мысли и распадается на спектр направлений, связанных исключительно предметом исследования.

2

Ключевое место в переосмыслении дисциплины сегодня принадлежит **критической геополитике**, возникшей в 1990-х годах под влиянием критических социологических теорий [См. Ритцер 2002: 166-182], французской геополитической школы (И. Лакоста, М. Фуше и даже глубже – иконографии Ж. Готтманна и географического поппулизма П. Видаль де ла Блаша), радикальной географии. В российском научном сообществе это направление представлено прежде всего работами коллектива Института географии РАН под руководством В. А. Колосова.

Критическая геополитика обращает внимание на анализ дискурса, различие реальных и виртуальных отношений, она изучает влияние геополитических кодов – идейных представлений о географических условиях, определяющих политические взаимодействия [Колосов 2011; Политическая ... 2009]. В определяющую дисциплину связь пространства и политики она добавила еще одно срединное звено – «пространственное воображение».

Авторы данного направления указывают на то, что непосредственное влияние пространственных характеристик на политику и межгосударственные отношения не так важно, как сформированные под воздействием культуры, общественного мнения и СМИ представления о них. С точки зрения критической парадигмы, классические гео-

политические концепции (такие, как хартленд или римленд) представляют собой лишь один из вариантов географических мифов, упрощающих и стереотипизирующих реальную сложность международной обстановки. Изучение формирующихся представлений требует соответствующего аналитического инструментария – прежде всего, использования дискурс-анализа, позволяющего выявить их генезис.

В последнее время ощущается крен критической геополитики в сторону изучения роли силы во внешней политике. При этом ее представители отмечают, что дискурс всегда был одним из ключевых инструментов оправдания имперских действий [Dalby 2009: 280]. Функция критического анализа заключается в деконструкции географических дискурсов, используемых в легитимации насилия и военной стратегии, будь то в официальных выступлениях или в других внешнеполитических документах [Dalby 2009: 281].

В этом состоит и недостаток таких исследований – излишнее внимание к текстам, при недооценке изучения практического поведения должностных лиц: «тексты – это только тексты, но не дискурсы, встроенные в практику безопасности со всеми их многочисленными представлениями о местах, как об источниках угроз». [Dalby 2009: 282] Для комплексного анализа пространственных практик автор вводит термин «географическая чувствительность», определяя ее как восприимчивость к окружающим геополитическим дискурсам [Dalby 2009: 283].

Среди российских исследований, которые включили теоретико-методологические подходы критической геополитики, стоит отметить исследование «Геопроект» [Мир ... 2003] и монографию по геополитическому положению России [Геополитическое ... 2000].

К работам представителей критической геополитики тесно примыкает **школа культурной географии и мифогеографии**, представленная в России группой под руководством Д.Н. Замятина. Ей принадлежит теоретическое переосмысление ос-

новых научных проблем дисциплины – феномена границы, динамики географических образов и др. [Замятин 2004; Митин 2004b; Митин 2008]. В рамках этой школы получила развитие и «теория мозаичности» (в географической терминологии – ёмкости ландшафта), без редуцирующая влияние географического окружения на личность. Ее научной базой стало наследие русской социальной философии [Буровский 2008].

Под культурной географией понимают раздел социально-экономической географии, изучающий пространственные культурные различия и территориальное распределение культур. Это направление изучает геополитические проблемы посредством анализа *культурного ландшафта* [Богомяков 2012]. При этом основатель школы Д.Н. Замятин определяет геокультуру «процессом и результатами развития географических образов в конкретной культуре, а также “накопление”, формирование традиции культуры этих образов». Каждая культура «коллекционирует определённые географические образы», приобретает свои образно-географические конфигурации [Богомяков 2012: 19]. Развивая это представление, И.И. Митин вводит понятие «комплексной географической характеристики» для исследования образов пространства [Митин 2004a]. Представители направления выработали методологию исследований географических образов, опирающуюся на целый ряд качественных и количественных методов [Митин 2005; Моделирование 2008].

В рамках **уральской школы политической дискурса и семиотики** разрабатывается целый спектр направлений анализа геополитического дискурса, включая **геософию, сакральную географию, экзистенциальную географию и геопоэтику** [Богомяков 2012]. При этом они существенно различаются как по предмету анализа, так и по используемой методологии.

Геософия исследует пространство, где живёт человек [Богомяков 2012: 22-23], преимущественно философскими метода-

ми. **Сакральная география** специализируется на исследовании «священного» в пространстве [Богомяков 2012: 24-25]. К множеству «священного» могут относиться предметы или явления, которые становятся предметами обожествления или считаются сакральными: культовые объекты, кладбища, памятники, иконы, почитаемые в разных регионах. Ю.В. Тихонравов считает, что **экзистенциальная география** исследует «целостность бытия человеческих общностей с точки зрения лежащего в основе этих общностей объединяющего и вдохновляющего смысла, а также того, как этот смысл сказывается в характере времени и пространства их существования» [Богомяков 2012: 31]. **Геопоэтика** – более технологичное знание, «проектная деятельность, направленная на создание и изменение различных территориальных мифов» [Богомяков 2012: 34].

З

Наряду с критическим направлением значимое место в развитии дисциплины сегодня занимает **социальная геополитика (география)**. Ее базовые положения на стыке акционизма и бихевиоризма, сформулированные Б. Верленом, предполагают исследование пространственно-временных аспектов человеческой деятельности и политики [Верлен 2001]. К ключевым элементам предложенной Б. Верленом модели относятся информация («пространственная среда» – географические представления), информационный фильтр (отбирающий внешнюю информацию), когнитивное представление пространства, контрольно-поведенческий фильтр («фильтр принятия решений», отвечающий за деятельность), поведение и его результат.

В рамках рассматриваемой теории факторы, управляющие восприятием и поведением субъекта: его мотивы, потребности, установки, уровень ожиданий – связываются с информационным фильтром, когнитивным представлением пространства, контрольно-поведенческим фильтром, а также зависят от результата поведения, личностных харак-

теристик и социокультурных особенностей. Информация о состоянии «пространственной среды» здесь представляется как стимул, поведение — как ответная реакция, а остальные элементы — как когнитивная переработка [Верлен 2001: 40].

Социальная парадигма дисциплины логичным образом сближается с **марксистской геополитикой**, изучающей проблемы пространственной организации власти посредством изучения соотношения труда, материальных ресурсов и производства. Опирается на марксистскую общественно-ведческую теорию в её поздних интерпретациях.

Оригинальное видение связи политики и пространства разрабатывал отечественный специалист В.Л.Цымбурский [Цымбурский 2000, Цымбурский 2007, Цымбурский 2011]. В основу его подхода положено изучение социокультурных условий политики, и с этих позиций он уделяет существенное внимание критике как классической геополитики, так и работ С. Хантингтона.

Интеллектуальным оппонентом В.Л. Цымбургского, предложившим свой вариант ревизии традиционной парадигмы, можно считать М.В. Ильина, который выдвинул тезис о необходимости изучения геохронополитики [Политология 2007: 37-49], связывающей пространственную соположенность политических процессов с временной. Геохронополитику М.В. Ильин определяет как «форму научного знания о взаимосвязи между качественно определёнными характеристиками времени и пространства политики», предполагающую «изучение темпоральных и пространственных параметров политической организации общества, а так же использования в политике факторов времени и пространства в их органической связи» [Политология 2007: 37]. Хронополитика в этом случае рассматривается как «учение о темпоральных параметрах политического развития, раскрывающее использование в политике факторов — повседневного, исторического и, особенно, эволюционного — времени» [Политология 2007: 38].

Намечая карту современных геополитических исследований в России, нельзя не отметить работы учебно-методических наработок И.М. Бусыгиной [Бусыгина 2011], Р.Ф. Туровского [Туровский 1999] и А.Д. Воскресенского [Восток 2009].

4

Как и в других социальных науках, в современной геополитике встает проблема объективности [Колосов и др. 2005: 23]. Российское обществознание традиционно испытывает затруднения при разграничении научного и конъюнктурного, сложности, вызванные отсутствием опыта академического диспута, подобного спорам в философии жизни, позитивизме, махизме, логическом позитивизме, философии языка, структурализме, баденской и марбургской школах неокантианства, нормативизмах и формализованных теориях второй половины XX столетия.

Унифицированного, «единственно-целостного», или «единственно правильного» геополитического учения на данный момент не создано [Колосов и др. 2005: 27], но оно и вряд ли возможно. Научная школа — это не национальный, религиозный или идеологический вариант какой-либо социальной науки, а способ объяснения общественной действительности путём разложения её на составляющие (поведения, действия, дискурсы, институты, системы и т.д.) [Ядов 2009: 11] с помощью того или иного теоретико-методологического основания.

Появление статьи Ф. Келли «Критика критической геополитики» [Kelly 2006] наметило тенденцию интеграции разрозненного спектра геополитических течений в сложную междисциплинарную геополитику, представляющую многогранную картину влияния пространства на политические процессы. Попытка сопряжения парадигм начинается в рамках **деконструктивистского направления критической геополитики**. Часто противоречия между классической и критической геополитикой состоят в споре, близком спору между материализмом и идеализмом: классическая более об-

ращает внимание на то, как «материальные» физико-географические свойства местности определяют политические процессы, критическая же рассматривает, прежде всего, «идеальные» факторы – географические представления. Становится очевидно, что реальные процессы нельзя осветить только в сфере материального, либо в области восприятия – требуется взаимодействие двух парадигм.

При этом современные исследования часто пересекаются между собой, одни и те же методы получают различные названия у разных исследователей. Все они укладываются в постмодернистский, критический поворот в географии. В этой связи потенциал интеграции междисциплинарных методологических подходов в геополитике огромен.

Новым эмпирическим материалом исследования геополитики становятся символы, образы, тексты и дискурсы, позволяющие на качественно новом уровне понимать исторические и современные глобальные, региональные и даже локальные процессы. Однако в России ещё не произошел в полной мере постмодернистский («лингвистический», если угодно) поворот в геополитике. И даже там, где он намечается, текст анализируют в основном только статистическими методиками контент-анализа.

В то же время современные методы исследования дают исследователю широкий инструментарий для работы. Они включают инструментарий, позаимствованный из психологии, герменевтики, культурной антропологии, дискурсологии, семиотики, психолингвистики и социолингвистики.

Геополитика сегодня не должна вызывать традиционные фобии, она далеко выходит за рамки правоконсервативной идеологии или ответвления реалистической концепции международных отношений. Прагматическая ценность геополитических исследований оказывается весьма значительной. Её достижения могут быть использованы в работе государственных органов, ответственных как за внешнюю, так и за внутреннюю политику, в деятельности негосударственных организаций и транснациональных бизнес-структур.

Помимо анализа и прогнозирования международной и внутренней политики, с помощью геополитических исследований можно конструировать публичные образы государств и регионов, что принципиально важно для их развития, привлечения инвестиций, в создании и продвижении брендов. Все это, на наш взгляд, позволяет надеяться, что новый расцвет междисциплинарной геополитики в мире и в России в частности впереди.

Список литературы

- Актуальные проблемы теории социологии // Социс (Социологические исследования). – М.: ИС РАН, – 2005. – № 9. – С. 3–9.
- Богомяков В. Г., Рассказов С. В., Корандей Ф. С. Дискурс неимперского пространства. / В. Г. Богомяков, С. В. Рассказов, Ф. С. Корандей. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2012. 183 с.
- Буровский А. М. Месторазвития русской истории // Уваровские чтения – VI: граница и пограничье в истории и культуре: материалы научной конференции. Муром. 16–18 мая 2005 г. / Научн. редактор Ю. М. Смирнов. – Муром: Муромский Историко-Художественный Музей-Заповедник, 2008. С. 46–52.
- Бусыгина И. М. Политическая география. Формирование политической карты мира: учебник. / И. М. Бусыгина. – М.: Проспект, 2011. 382 с.
- Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. – М.: МЛШСЭН, 2001. – Т. 1. № 2. – С. 26–47.
- Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. : научно-методический комплекс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение»: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки ВПО 030200 – «Политология» / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2011. 685 с.
- Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В. А. Колосова. – М.: Арт-Курьер, 2000. 352 с.

- Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. – М.: АСТ, 2010. 720 с.
- Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 351 с.
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2008. 759 с.
- Исаев Б.А. Геополитика классическая и геополитика современная // Полис (Политические исследования). – М.: ИС РАН, 2011. – № 2. – С. 69–85.
- Колосов В. А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт её применения в России // Политическая наука: Сборник научных трудов / Ред. кол. Ю. С. Пивоваров, гл. ред. и др. – М.: ИНИОН, 2011. № Вып. 4. Региональное измерение политического процесса / Ред.-сост. номера Р.Ф. Туровский. Р. Ф. С. 31–52.
- Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: Учебник для студентов вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2005. 478 с.
- Кучинов А. М. Анализ социокультурных факторов политики: поиски новых теорий и методов // Nota bene: Философские исследования. – М.: Nota bene, 2013а. – № 2. – С. 72–121. – режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_412.html
- Кучинов А. М. Исследование картин мира в критической геополитике: новые методы анализа географических репрезентаций в политическом дискурсе // Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции, Биробиджан, 14 декабря 2012 г. / под общ. ред. Н.Г. Богаченко, О.В. Павловой. – Биробиджан: Издательство ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013б. С. 8–13.
- Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 304 с.
- Митин И. И. Пограничье в гуманитарной географии: конструирование и репрезентация границ в комплексных характеристиках территории и региональных мифах // Уваровские чтения – VI: граница и пограничье в истории и культуре: материалы научной конференции. Муром. 16–18 мая 2005 г. / Научн. редактор Ю. М. Смирнов. Муром: Муромский Историко-Художественный Музей-Заповедник, 2008. С. 40–46.
- Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004а. 158 с.
- Митин И. И. Методика полевых гуманитарно-географических исследований в контексте мифогеографии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Отв. ред. и сост. Д. Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2005. Вып. 2. С. 235–275.
- Митин И. И. Мифогеография множественных реальностей российских регионов // Уральские Бирюковские чтения: Сборник научных статей. Вып. 2. Из истории Южного Урала и российских регионов / Науч. ред. С.С. Загребин. – Челябинск: Совет Уральских Бирюковских чтений, 2004б. Вып. 2. Из истории Южного Урала и российских регионов / Науч. ред. С.С. Загребин. С. 13–19.
- Окунев И. Ю. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики (обзор) // Политическая наука: Сборник научных трудов / Ред. кол. Ю. С. Пивоваров, гл. ред. и др. – М.: ИНИОН, 2009. Вып. № 4. Идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования / Ред.-сост. вып. О. Ю. Малинова. С. 126–137.
- Окунев И. Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоударств) // Политическая наука: Сборник научных трудов / Ред. кол. Ю. С. Пивоваров, гл. ред. и др. – М.: ИНИОН, 2011. № Вып. 4. Региональное измерение политического процесса / Ред.-сост. номера Р.Ф. Туровский. Р. Ф. С. 162–174.ж
- Политическая наука: Сборник научных трудов / Ред. кол. Ю. С. Пивоваров, гл. ред. и др. – М.: ИНИОН, 2009. № 1. Пространственно-временные измерения политики / Ред.-сост. вып. И. А. Чихарев. 238 с.
- Политология: лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. 798 с.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
- Туровский Р. Ф. Политическая география: Учебное пособие. М.–Смоленск: Издательство СГУ, 1999. 381 с.
- Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и Времени: геополитические и хронополитические интеллектуально-анальные расследования. М.: Европа, 2011. 370 с.
- Цымбурский В. Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.
- Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 141 с.

- Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база для исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. – СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.
- Amineh M. P., Houweling H. Introduction: The Crisis in IR-Theory: Towards a Critical Geopolitics Approach // Perspectives on Global Development and Technology. – 2003. – Vol. 2. No. 3–4. P. 315–335.
- Dalby S. Recontextualising violence, power and nature: The next twenty years of critical geopolitics? // Political Geography. – 2010. – Vol. 29. No. 5. P. 280–288.
- Kelly P. A Critique of Critical Geopolitics // Geopolitics. – 2006. – Vol. 11. P. 24–53
- Toal G. (*O'Tuathail G.*) Placing blame: Making sense of Beslan // Political Geography. – 2009a. – Vol. 28. Is. 1. P. 4–15.
- Toal G. (*O'Tuathail G.*) Russia's Kosovo: a critical geopolitics of the August war over South Ossetia // Eurasian Geography and Economics. – 2009b. – Vol. 49, No. 6. P. 670–705.

EXAMINING SPACE AND POWER: MULTIPLE VARIATIONS OF GEOPOLITICAL STUDIES

IGOR OKUNEV

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, 119454, Russia

ARTEMY KUCHINOV

Moscow State University, Moscow, 119234, Russia

Abstract

The article examines the different directions in modern geopolitical theory in Russia and abroad. In Russian public and even professional discourse, geopolitics is often associated with the ideological justification of the political preferences of the radical political right. Meanwhile, in the Western academic debate, it experienced a revival caused by the emergence of new theoretical frameworks and methodological approaches to the interrelation between space and politics. Today, it evolved into a flourishing, sophisticated, and respected discipline. The problems of the institutionalization of geopolitics in Russia during the 1990s are examined in line with the problems of perception of new theories in the Russian academic community. Contemporary geopolitics is not limited to the study of “political control above the space”, as its research focus varies within different theoretical paradigms. The variety of approaches within the discipline includes classical, critical, and Marxist geopolitics, as well as action theory-based geopolitics, cultural geography, mythogeography, geochronopolitics, geosophy, sacred geography, existential geography, and geopoetics. Each of those research traditions may have its own definition of the concept of the “geopolitical”. The article focuses on V.A. Kolossov's school, the “cultural geography” school, critical geopolitics, classical, and Marxist geopolitics. It also examines the Urals school of “political discourse studies and semiotics”, V.A. Tsyburskiy's works on the “civilization approach”, the theories based on Russian 20th century social philosophy (“development-place”, the theory of mosaicism, complex geographical characteristics), and B. Verlen's “social geography”. It also engages the relationships between theory and empirical works. The authors claim that the discipline has reached a high level of sophistication and now the search for the synthesis of competing schools and paradigms becomes much more urgent.

Key words:

action theory, classical geopolitics, critical geopolitics, cultural geography, existential geography, geochronopolitics, geopoetics, geopolitics, geosophy, marxist geopolitics, mythogeography, political geography, sacred geography, social geography.

References

- (2003) *Mir glazami rossijan: mify i vneshnjaja politika* [The world through the eyes of Russians: myths and foreign policy]. M.: Institute of "Public Opinion" Foundation. 304 p.
- (2005) Aktualniye problemy teorii sociologii [Topical problems of sociological theory]. *Socis (Sociologicheskie issledovanija)*. No. 9. pp. 3–9.
- Amineh M. P., Houweling H. (2003) Introduction: The Crisis in IR–Theory: Towards a Critical Geopolitics Approach. *Perspectives on Global Development and Technology*. Vol. 2. N. 3–4. pp. 315–335.
- Bogomyjakov V. G., Rasskazov S.V., Korandej F.S. (2012) *Diskurs neimperskogo prostranstva* [Discourse of non-imperial space]. Ekaterinburg: Diskurs–Pi. 183 p.
- Burovskij A. M. (2008) Mestorazvitija russkoj istorii [Development places of Russian history] In *Uvarovskie chtenija – VI: granica i pogranič'e v istorii i kul'ture: materialy nauchnoj konferencii. Murom. 16–18 maja 2005* / Ed. by Ju. M. Smirnov. Murom: Historical-art museum-reserve of Murom. pp. 46–52.
- Busygina I. M. (2011) *Politicheskaja geografija. Formirovanie politicheskoy karty mira*: [Political geography: the formation of the political map of the world]. M.: Prospekt. 382 p.
- Dajmond D. (2010) *Ruzh'ja, mikroby i stal': Sud'by chelovečeskikh obshhestv* [Guns, germs and steel: the Fates of human societies]. M.: AST. 720 p.
- Dalby S. (2010) Recontextualising violence, power and nature: The next twenty years of critical geopolitics? *Political Geography*. Vol. 29. No. 5. pp. 280–288.
- Isaev B.A. (2011) Geopolitika klassičeskaja i geopolitika sovremennaja [The geopolitics classical and the geopolitics modern]. *Polis (Politicheskie issledovanija)* No. 2. pp. 69–85.
- Jadov V. A. (2009) *Sovremennaja teoreticheskaja sociologija kak konceptual'naja baza dlja issledovanija rossijskich transformacij: Kurs lekcij dlja studentov magistratury po sociologii. Izd. vtoroe, ispravl. i dopoln.* [Modern theoretical sociology as a conceptual framework for Russian transformations study: Lectures for graduate students in sociology. Ed.2nd, corrected and supplemented]. SPb.: Intersocis. 138 p.
- Kelly P. (2006) A Critique of Critical Geopolitics. In *Geopolitics*. 2006. Vol. 11. pp. 24–53
- Kolossov V. A. (2011) Kritičeskaja geopolitika: osnovy koncepcii i opyt ejo primenenija v Rossii [Critical geopolitics: the foundations of the concept and experience of its application in Russia]. In *Politicheskaja nauka: Sbornik nauchnyh trudov.* / Ed. board by Ju. S. Pivovarov. M.: Institute of Social Sciences Scientific Information of Russian Academy of Sciences. No. 4. Regional'noe izmerenie politicheskogo processa. pp. 31–52.
- Kolossov V.A. (ed.) (2000) *Geopoliticheskoe položenie Rossii: predstavlenija i real'nost'* [The geopolitical position of Russia: perception versus reality. M.: Art–Kur'er. 352 p.
- Kolossov V.A., Mironenko N. S. (2005) *Geopolitika i politicheskaja geografija: Učebnik dlja studentov vuzov* [Geopolitics and political geography: tutorial for for students of higher educational institutions]. M.: Aspekt Press. 478 p.
- Kuchinov A.M. (2013a) Analiz sociokul'turnykh faktorov politiki: poiski novykh teorij i metodov [Socio-cultural factors of politics analysis: Searching for new theories and methods]. *Nota bene: Filosofskie issledovanija*. No. 2. pp. 72–121.
- Kuchinov A.M. (2013b) Issledovanie kartin mira v kritičeskoy geopolitike: nove metody analiza geograficheskikh reprezentacij v političeskom diskurse [Study of the pictures of the world in critical geopolitics: new methods of analysis of geographical representation in political discourse] In *Kartina mira v sistemno–strukturnom i antropocetricheskom aspektah: sbornik materialov Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno–praktičeskoy konferencii, Birobidžan, 14 dekabrja 2012 g.* / Ed. by N.G. Bogachenko, O.V. Pavlova. Birobidžan: Amur State University named after Sholom Aleichem Press. pp. 8–13.
- Mitin I.I. (2004a) *Kompleksnyje geograficheskie harakteristiki. Množhestvennye real'nosti mest i semiozis prostranstvennyh mifov* [Comprehensive geographical characteristics. Multiple realities of places and spatial myths semiosis]. Smolensk: Ojkumena. 158 p.
- Mitin I.I. (2004b) Mifogeografija množhestvennyh real'nostej rossijskich regionov [Mythogeography of Russian regions multiple realities]. In *Ural'skie Birjukovskie chtenija: Sbornik nauchnyh statej*. Cheljabinsk: Sovet Ural'skikh Birjukovskikh chtenij. No. 2. Iz istorii Juzhnogo Urala i rossijskich regionov. pp. 13–19.
- Mitin I.I. (2005) Metodika polevyh gumanitarno–geograficheskikh issledovanij v kontekste mifogeografii [Methods of field human–geographical research in the context of mythogeography]. In *Gumanitarnaja geografija: Nauchnyj i kul'turno–prosvetitel'skij al'manah.* / Ed. by D. N. Zamjatin. M.: Scientific–Research Institute of Cultural Heritage behalf of the D. S. Likhachev. No. 2. pp. 235–275.
- Mitin I.I. (2008) Pogranich'e v gumanitarnoj geografii: konstruirovanie i reprezentacija granic v kompleksnyh harakteristikah territorij i regional'nyh mifah [Borderlands in human geography: construction and representation of the borders in complex terrain characteristics and regional myths]. In *Uvarovskie chtenija – VI: granica i pogranič'e v istorii i kul'ture: materialy nauchnoj konferencii. Murom. 16–18 maja 2005 g.* / Ed. by Ju. M. Smirnov. Murom: Historical-art museum-reserve of Murom. pp. 40–46.

- Okunev I. Ju. (2009) Geograficheskoe voobrazhenie kak predmet issledovanija kriticheskoj geopolitiki (obzor) [Geographical imagination as a subject of research of critical geopolitics (review)]. In *Politicheskaja nauka: Sbornik nauchnyh trudov.* / Ed. by Ju. S. Pivovarov. M.: Institute of Social Sciences Scientific Information of Russian Academy of Sciences. No. 4. Idei i simvoly v politike: Metodologicheskie problemy i sovremennye issledovanija. pp. 126–137.
- Okunev I. Ju. (2011) Politiko–geograficheskie aspekty gosudarstvennosti (analiz opyta mikrogosudarstv) [Political and geographical aspects of statehood (the analysis of the experience micro-states)]. In *Politicheskaja nauka: Sbornik nauchnyh trudov.* / Ed. by Ju. S. Pivovarov. – M.: Institute of Social Sciences Scientific Information of Russian Academy of Sciences. No. 4. Regional'noe izmerenie politicheskogo processa. pp. 162–174.
- Pivovarov Ju.S. (ed) (2009) *Politicheskaja nauka: Sbornik nauchnyh trudov* [Political science: Collection of scientific works]. M.: Institute of Social Sciences Scientific Information of Russian Academy of Sciences. No. 1. Prostranstvenno–vremennye izmerenija politiki. 238 p.
- Ritzer G. (2002) *Sovremennye sociologicheskie teorii. 5–e izd.* [Modern sociological theories. 5th edition] SPb.: Piter. 688 pp.
- Solov'ev A.I. (ed) (2007) *Politologija: leksikon* [Political science: lexicon]. Ed. A. I. Solov'ev. M.: ROSSPEN. 798 p.
- Toal G. (ÓTuathail G.) (2009a.) Placing blame: Making sense of Beslan. *Political Geography*. Vol. 28. Is. 1. pp. 4–15.
- Toal G. (ÓTuathail G.) (2009b.) Russia's Kosovo: a critical geopolitics of the August war over South Ossetia. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 49, No. 6. pp. 670–705.
- Tsyburskij V. L. (2000) *Rossija – Zemlja za Velikim Limitrofom: civilizacija i ee geopolitika* [Russia – The land beyond the Great Limitrophe: civilization and its geopolitics]. M.: Editorial URSS. 141 p.
- Tsyburskij V. L. (2007) *Ostrov Rossija: geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty, 1993–2006* [Island Russia: geopolitical and chronopolitical works, 1993–2006]. M.: ROSSPEN. 544 p.
- Tsyburskij V. L. (2011) *Kon'junktury Zemli i Vremeni: geopoliticheskie i hronopoliticheskie intellektual'nye rassledovanija* [Conjuncture of the Earth and Time: geopolitical and chronopolitical intellectual investigation]. M.: Evropa. 370 p.
- Turovskij R. F. (1999) *Politicheskaja geografija: Uchebnoe posobie* [Political geography: tutorial tool]. M.–Smolensk: Smolensk State University Press. 381 p.
- Verlen B. (2001) Obshhestvo, dejstvie i prostranstvo. Al'ternativnaja social'naja geografija [Society, action and space. Alternative social geography] *Sociologicheskoe obozrenie*. Vol. 1. No. 2. pp. 26–47.
- Voskresenskij A.D. (2011) *Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kultury, politicheskie processy* [East and politics: the political systems, political cultures, political processes] Ed. by A.D. Voskresenskij. M.: Aspekt Press. 685 p.
- Zamjatin D.N. (2004) *Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti: Geograficheskie obrazy v politike i mezhdunarodnyh otnoshenijah* [The power of space and space of power: Geographical images in international relations and politics]. M.: ROSSPEN. 351 p.
- Zamjatin D.N., Zamjatina N.Ju., Mitin I.I. (2008) *Modelirovanie obrazov istoriko–kul'turnoj territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podhody* [Modeling images of historical and cultural territory: methodological and theoretical approaches]. M.: Scientific–Research Institute of Cultural Heritage behalf of the D. S. Likhachev. 759 p.